

СЕГОДНЯ НА ЗАПАДЕ

НАЧАЛО ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА

Из венского журнала
„Гетц фон Берлихинген“

Директора берлинских театров заключают каждый спектакль лозунгом национал-социалистов: «Германия, простись!»

Театры Лондона и Нью-Йорка дикорадочно готовятся к будущим битвам, «битвам за публику», как лиризировал Том Уолс, один из остроумнейших лондонских режиссеров. До открытия зимнего сезона остались считанные дни. Директорские кабинеты напоминают армейские штабы перед сражением, где роль топографических карт играют рукописи новых пьес (названия большинства пьес пока остаются секретом для печати и публики, возбуждая крайнее любопытство репортеров).

Они стремятся знать, что подарит Нью-Йорку перо Сидни Гоуарда, что написали Морри Рискинл и Джордж Кауфман, что пишет другой знаменитый Джордж, Джордж Келли и Джордж О'Нейл, однофамилец мясного Юджина, став-

ший «третьим великим Джорджем» после своей «Американской мечты». Лондонцы интересуются произведениями Пристли, Томаса, Пелатта или Брида, специализировавшихся на библийских сюжетах оправленных в рамку вполне благопристойной, светской и совсем английской иронии. Но драматурги, связанные договорами, тоже молчат, и только маститый «король» американской сцены Юджин О'Нейл проболтался. Да, он написал две новых пьесы. Название одной составляет секрет театра Гильдии. Другая называется «Дни без конца» — некий модернизированный тип средневековой мистерии, очень тонкой, по мнению автора, философской пьесы. Поймет ли ее Бродвей? Юджин О'Нейл загадочно пожимает плечами. Когда он пишет, он меньше всего интересуется интеллектуальным уровнем Бродвея.

Соммерсета Могама в Лондоне никто не интервьюировал. Он сам раскрыл свои карты. В театре Уайндама уже идет его новая комедия «Шэппи». Шэппи — имя главного героя пьесы.

Могама, подобно О'Нейлю, потянуло к средневековью, ибо «Шэппи» по форме — типичный наследник средневековых «моралитэ». Сатирическая направленность «моралитэ», выступавших против папизма, остроумно высмеивавших лживый и ханжеский дух тогдашнего христианства, воскресла в комедийной иронии «Шэппи», направившей свои удары в ту же старую цель.

Тема «Шэппи» — это почти тема синклеровского «Христа из Вестер-Сити», пародия на выродившееся чопорное, лицемерное англиканское христианство. Если Христос и не появляется лично в пьесе Могама, то сам Шэппи с успехом играет ту же роль одаурченного и осмеянного лондонца Христа. Гипотетический случай Могама происходит в обстановке мещанского лондон-

ского мирка. Он довольно фантастичен, этот случай. Маленький парикмахер Шэппи, всю жизнь бривший чужие подбородки, становится настолько богат, что из парикмахерского подмастерья в Ист-Энде может смело стать хозяином первоклассного заведения на Пикадилли. Но Шэппи не влечет широкая дорога коммерции. Он предпочитает тернистый путь чудака, благотворителя и юродивого, в котором никто не подозревает точную копию евангельского пророка.

Первый акт — в парикмахерской. Тут разношерстная галерея типов мещанского и уголовного Лондона поистине целый кладезь «порока», из которого Шэппи вскоре будет черпать свой материал для обработки человеческих душ. «Счастье» Шэппи приходит в конце акта: он выигрывает восемь тысяч фунтов стерлингов в ирландской лотерее. Эти восемь тысяч производят переворот в тоскующей душе брадобрея.

Второй и третий акты проходят под знаком христианского безумия Шэппи и совсем нехристианской алчности его родственников. Жена, дочь и муж дочери, школьный учитель — слегка облагороженный тип диккенсовского Сквирса — начинают энергичную борьбу за восемь тысяч фунтов. Шэппи, поступая по евангельским образцам, нарушает все традиции приличной лондонской жизни, все каноны джентльменского поведения. Он раздает деньги нищим, он поселяет под своей кровлей воров и проституток, он превращает трибуну Гайд-парка в холм для нагорной проповеди. Но времена евангельского христианства давно прошли. Мещанский буржуазный мирок потешается над Шэппи, дурчит его, объявляет сумасшедшим и приводит к могиле. Цитаты из евангелия, которые произносит в своем поведении Шэппи, кажутся для глубокомысленной комиссии врачей вполне достаточным поводом, чтобы объявить Шэппи рели-

гиозным паранойком и засадить в сумасшедший дом.

Ироническое «моралитэ» Могама очень понравилось критике. Рецензент консервативнейшего «Обсервера», скорбя очевидно об упадке религиозности среди людей «низшего» и «высшего» света, торжественно замечает: «Лучшим эпизодом для «Шэппи» являются последние нью-йоркские телеграммы. Художник Брангвин предложил декорировать помещение гигантской конторы достраивающегося рокфеллеровского радиогорода фигурой Христа, произносящего нагорную проповедь. Художественная комиссия отвергла предложение художника. Образ Христа нашли «слишком рискованным и неподходящим» для современного здания. Нет, «Шэппи» поистине написан во-время!» — с пафосом восклицает религиозный критик.

В прошлом году Могама написал драму «За военные заслуги», полную ужасов трагедию, почти гиньоль, какого английская драма не помнит со времен Кида и Вебстера. Теперь он вновь возвращается к комедии, доставляя ее содержанием неожиданную радость для всех читателей средневекового христианства. Недаром о Могама начинают говорить, что он попал в сети самого Фрэнка Букмана, создателя новой христианской религии, чудачествующего безумца, мечтающего «исправить» капиталистический мир по способу парикмахера Шэппи.

В лондонском «Театре посольств» идет пьеса «Век изобилия». Это пьеса о кризисе, о трагедии нужности человеческого ума, таланта, сил в «век неистощимого изобилия». Пьеса неожиданна на сцене мещанского «Театра посольств», неожиданна на сцене английской театра вообще, театра бездейного, выходящего, плывущего по водам пошлости, захле-

пывающим «низколобую» английскую драматургию.

«Век изобилия» — это своеобразная «пощечина общественному вкусу», воспитанному по сексуальным рецептам Коуэрда, на бесхребетных пустяках Бэрри или на салонных юморесках Вудхоуза. Герои «Век изобилия», выброшенные из жизни капиталистической машины города, произносят со сцены слова, которые пугают корректного лондонца, смущают его, заставляют бежать к выходу задолго до того, как в последний раз опустится занавес. Как выразился один из рецензентов: «За эти слова лондонские судьи отправляют в тюрьму, а мы должны их слушать со сцены».

Тема «Век изобилия» — жестокая борьба за существование двух рабочих, мужички и девушки, прошедшие сквозь мясорубку экономического кризиса, выброшенные их с фабрики и заставившие пройти «по мукам» страшного «века изобилия». Одна картина, наиболее характерная, наиболее яркая, повторяется несколько раз. Безработные стоят в очереди у заводских ворот. Бесконечность ожидания. Холод. Полиция. Сыщики. Одна и та же декорация. Те же люди. Но они те же только внешне. Нужда и ненависть меняют их. Обывательская, собственническая психика сменяется психикой революционера, борца. Голод приводит людей на баррикады.

Пьеса излишне схематизирует, упрощает идею формирующегося революционного сознания. Но вопрос, по существу, поставлен в ней верно, и недаром орган английской компартии «Дейли Уоркерс», не замалывав литературных недостатков пьесы, все же горячо рекомендует ее каждому английскому рабочему. Ведь не всегда можно увидеть в Лондоне столь правдивую сценическую интерпретацию кризиса.

А.А. АБРАМОВ